

Всероссийская олимпиада школьников

Карачаево-Черкесская республика

Муниципальный этап

2019-2020 учебный год

11 класс

Литература

1. Целостный анализ художественного текста

Выполните целостный анализ рассказ Ф.Сологуба «Лоэнгрин». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: система персонажей и способы их характеристики; соотношение слова героев (слова повествователя), особенности речевых характеристик; смысл эпиграфа (если есть), вступления и концовки. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Федор Сологуб

ЛОЭНГРИН

I

Машенька Пестрякова была девушка молоденькая, миловидная, мечтательная, недалекая. Нос у неё был немножко вздернутый, глаза серые и бойкие, а по весне на щеках под глазами и на носу полумаскою рассыпались веселые веснушки. Она жила на Гороховой, в том же самом доме, где жил некогда Обломов. Жила Машенька вместе с матерью и с братом. Занималась она тем, что давала уроки в какой-то частной школе, где платили не щедро и не аккуратно. Любила ходить в оперу и больше всего любила Вагнера.

Машенькина мама получала небольшую пенсию, распространяла за проценты какие-то книги и сдавала комнаты. Три комнаты сдавала, в остальных сами жили. Брат Машенькин ходил в гимназию. А Машенька помогала им обоим: матери давала немного денег, брату показывала уроки.

Мечтательность неопределенная и сладостная владела Машенькою все чаще и все слаще. Образ милой мечты принимал иногда более определенное очертание, сливаясь с образом того или другого из знакомых молодых людей. Встречи порою становились приятными, но всегда ненадолго.

Что-то противное для Машеньки было всегда в том действительном и неожиданном, что подставляла жизнь под мечтательно прекрасный образ. Вместо слов пламенных и страстных, подобных тем, которые так обольщают на страницах романа, которые так очаровательно звучат с далекой сцены Мариинского театра, когда их поет Собинов, вместо всей этой необыкновенной, далекой от жизни на Гороховой гармонии звучали слова прозаические, скучные, слова о делах своих или чужих, слова расчетов, мелких суждений, завистливых насмешек, лукавых сплетен, и порой льстивых, но слишком неловких комплиментов. Тускнел милый образ и становился отвратным. И даже несколько дней не хотелось Машеньке мечтать ни о чем и ни о ком, и в сердце ее была равнодушная скука. До новой встречи. Но и новая встреча обманывала.

И все-таки скоро пришел некто и завладел Машенькиной душой. И был он молодой человек совсем не красивый, не высокий, тщедушный, неловкий, с подслеповатыми, часто моргающими глазами, с редкими рыжеватыми волосами на голове, с жидкими рыжеватыми усиками, с рыжеватою редкою бородкою. Одевался он опрятно и тщательно, сердоликовый носил перстень и жемчужной булавкой закалывал лиловый или зеленый галстук-самовяз,— но одежда его не обличала в нем ни особенного вкуса, ни больших средств.

Чем занимался он и кто он был, Машенька долго не знала. Звала его как-то странно, по-оперному, Лоэнгрином.

— Мой Лоэнгрин придет сегодня,— говорила она матери.

— Твой Лоэнгрин звонит,— говорила ей мать, заслышав прозвучавший в передней неуверенный, робкий звонок.

— Твой Лоэнгрин — дурак,— говорил ей откровенный Сережа.

Ему нравилось иногда подразнить сестру. Немножко, конечно.

Ему ведь было всего только двенадцать лет, и еще побаивался он своей сестры.

Сначала Машенька называла своего дружка Лоэнгрином потому, что познакомилась с ним на галерее Мариинского театра в тот вечер, когда шла опера «Лоэнгрин». А потом и другая причина утвердила за ним это странное прозвище.

II

Машенька Пестрякова была тогда в театре с подругами и с двумя знакомыми студентами. Лоэнгрин сидел сзади нее, немножко сбоку, и уже перед вторым действием Машенька заметила на себе его неотступный взгляд. Машеньке стало неловко. Она сердито глянула на незнакомца.

Его наружность ей не понравилась. Его пристальный взгляд показался ей навязчивым и дерзким. И еще больше не понравилось ей то, что, когда она второй раз метнула на него еще более строгий взгляд, еще сильнее нахмутив свои крутые бровки, глаза дерзкого незнакомца трусливо и виновато забегали с такой странной быстротой, как будто он привык смотреть пристально и вдруг быстро отворачивать свои взоры.

Машенька хотела показать на него одной из подруг, спросить, не знает ли она этого субъекта, но в это время началась музыка, все замолчали, и Машенька вдруг забыла в наступившей внезапно темноте о навязчивом незнакомце, очарованная звуками несравненной музыки.

В следующем антракте Машенька не вспомнила о нем до тех пор, пока, гуляя по коридору, не увидела при повороте обратно, что он идет за нею и смотрит на нее. Потом долго она чувствовала на своей шее, на том самом светленьком промежутке, где кончается прическа над белою полоскою воротничка, его пристальный взгляд. Машеньке было так досадно и неловко, что она не знала, что ей делать.

Уже только в конце антракта, когда в узких дверях стало шумно и тесно, она спросила шедшего с нею рядом студента:

— Вы не знаете, кто этот, вон там, сзади идет, еще он сзади вас сидит?

Машенька говорила тихо, чтобы тот, навязчивый, не слышал. Студент оглянулся и сказал громко:

— Не знаю. А вы почему спрашиваете?— спросил он Машеньку.

И Машенька почему-то затруднилась ответом.

— Да так,— сказала она тихо,— смотрит все на меня.

— Очаровался,— так же громко и спокойно сказал студент. Сел на свое место, приготовился слушать,— и Машеньке почему-то стало досадно, что он так равнодушно отнесся к ее словам. Словно назло ему, она внимательно посмотрела на незнакомца и с презрительным сожалением подумала:

«Бедненький, туда же! Может быть, тоже воображает, что прекрасен и неотразим».

На ее губах мелькнула легкая улыбка, и Машенька не без удовольствия заметила, что от этой мгновенной улыбки лицо незнакомца слегка зарумянилось и что глаза его стали радостными. Но она сейчас же спохватилась, нахмурилась, посмотрела на него сердито и отвернулась. Подумала:

«Нет уж, пусть не воображает. Противный!»

И в третьем антракте он ходил за нею, робкий и смешной и уже совсем не досадный, похожий на забавную, рыжеватую, по стенам крадущуюся тень.

После спектакля, одеваясь в тесноте, Машенька опять увидела его. Он поторопился выйти раньше и уже стоял в пальто с барашковым воротником и в котелке, смотрел на нее, протискавшись сквозь толпу, словно просверлившись через нее острыми кончиками своих тараканьих усиков, смотрел странно и досадно бегающими глазами, точно ему хотелось получше рассмотреть и запомнить каждую складочку ее платья и ее жакетки.

Теперь Машеньке было досадно, неловко, и уже не решилась она сказать кому-нибудь об этом человеке. Думала досадливо и тоскливо:

«Прилип!»

III

Шли по улицам целым табуном, разговорчивым и веселым. Машенька старалась не оглядываться, но знала наверное, что он идет за нею. Не хотела прислушиваться и все-таки невольно слушала легкий звук его шагов,— осторожная, крадущаяся походка.

У ворот, прощаясь с подругами и со студентами, Машенька увидела его. Он тихо прошел мимо, перешел на другую сторону и повернул обратно.

Неуклюжий дворник в громадном косматом тулупе и в наезжающей на лоб и на уши шапке с медной бляхой отомкнул для Машеньки скрипучую калитку тяжелых ворот. Молодые люди, Машенькины

спутники, шумно разговаривая, ушли. Калитка захлопнулась. Машенька остановилась под воротами и прислушивалась.

Она слышала, как кто-то вороватыми шажками подошел к воротам и тихо-тихо заговорил с дворником. Бормочущим голосом неохотно отвечал что-то дворник, потом поблагодарил за что-то, потом еще что-то говорил. Как Машенька ни напрягала слух, она не могла разобрать ни одного слова. Не могла потому, что говорили тихо, и еще потому, что мешало слушать охватившее Машеньку волнение: сердце тяжело стучало, и кровь билась в висках, и в ушах тяжело и мерно шумело что-то.

Машенька плохо спала в эту ночь. Ей снился прекрасный рыцарь, светлокудрый Лоэнгрин в блистающей одежде, и слышались его слова:

— Я — Лоэнгрин, святыни той посл.

Потом вдруг черты лица и вся фигура Лоэнгриня странно изменялись. Тщедушный маленький человек с рыжими тараканьими усами, сдвинув котелок на затылок, потирая маленькие красные уши, то одно, то другое, о барашковый воротник, нелепо размахивал руками в серых меховых перчатках и, скользя блестящими калошами по обледенелому тротуару Гороховой, пел те же слова. И голос его был так же звучен и сладок, но что-то смешное и противное звучало в нем.

IV

С тех пор Машенька каждый день, возвращаясь из своей школы, встречала на улице этого молодого человека. Он шел за Машенькой, как неотступная, и досадная, и забавная тень, и провожал ее до самых ворот. Иногда он даже входил во двор и поднимался по лестнице, и, когда Машенька входила в квартиру и захлопывала за собою дверь, она чувствовала, что он стоит за дверью. Машенькино сердце билось, щеки ее нежно румянились, глаза блестели, она улыбалась и думала:

«Кто же он, этот рыжий Лоэнгрин?»

Наконец это ей надоело. Однажды на улице, когда Лоэнгрин шел близко за нею, Машенька вдруг обернулась, подошла к нему и спросила:

— Что вам надо? Зачем вы каждый день ходите за мною?

Машенькины щеки покраснелись, и голос слегка вздрагивал, и руки в тонких перчатках, спрятавшиеся в муфту, были жарки и трепетны. Чувствовала Машенька, что под ее теплою одеждою плечи ее дрожат и краснеют и что по всему ее телу пробегают жар и дрожь.

Глаза незнакомца виновато зашмыгали по сторонам. Он приподнял черный котелок, опять надел его и, странно сгибаясь, заговорил довольно приятным, хотя слегка сиповатым, словно простуженным, голосом:

— Виноват, простите, пожалуйста, Мария Константиновна...

— Откуда вы знаете мое имя?— воскликнула Машенька с досадой.

Ее удивило, что голос этого молодого человека, который она только теперь в первый раз услышала, слегка напоминает голос певца, исполнявшего тогда, в театре, партию Лоэнгриня,— такой же русский звук и такая же нежная сладость. И еще более напоминал бы, если бы не было в нем этой неприятной сипоты.

Молодой человек говорил:

— Ваше имя и отчество, Мария Константиновна, я узнал от дворника того дома, где вы изволите жить, так как, не имея с вами общих знакомых, лишен был возможности узнать это иначе.

Машенька досадливо спросила:

— Что же, значит, вы обо мне расспрашивали дворника? Хорошее занятие, нечего сказать!

Незнакомец, нисколько не смущаясь, сказал:

— И о вас расспрашивал, и о вашей почтенной маменьке, и о вашем милом братце. Собрал все сведения в тот же самый вечер.

— Зачем же это вам понадобилось?— спросила Машенька.

Сама не замечая этого, она повернулась и шла по направлению к своему дому, и рыжеватый молодой человек шел рядом с нею. Шел и говорил со странной обстоятельностью:

— Вы, Мария Константиновна, конечно, сами можете понять, что по нынешним временам следует быть весьма осторожным и что никак невозможно сводить знакомство с кем попало, а предварительно необходимо узнать, с кем имеешь дело.

Машенька засмеялась и сказала:

— Будьте же осторожны и не знакомьтесь со мною.

Незнакомец говорил:

— Извините, Мария Константиновна, но для меня это совершенно невозможно.

— Что невозможно?— с удивлением спросила Машенька.

— Невозможно не познакомиться с вами,— спокойно говорил незнакомец,— потому что при первой же нашей встрече тогда, если изволите припомнить, на представлении оперы «Лоэнгрин», вы произвели на меня неизгладимое впечатление, и я немедленно же почувствовал, что чрезвычайно сильно полюбил вас. Поэтому я не мог не последовать за вами до самых ворот вашего дома и тогда же узнал о вас достаточные подробности от дежурившего у ворот дворника.

Машенька, улыбаясь, говорила:

— Напрасно трудились узнавать. Мне достаточно тех знакомых, которые у меня есть, и новых мне не надобно. Меня стесняет, что вы постоянно ходите за мной, а так как вы кажетесь мне человеком порядочным, то я попрошу вас больше не искать встреч со мной. Я не хочу, чтобы мои знакомые могли подумать обо мне дурно.

Пока Машенька говорила, незнакомец шел рядом, слушал внимательно и не делал попытки прервать ее речь. Машенька замолчала, а он, казалось, думал, что ей ответить.

Машенька подумала вдруг:

«Сейчас он приподымет котелок, повернется, и уйдет, и больше приставать не будет».

От этой успокоительной мысли Машеньке вдруг стало как будто досадно чего-то или как будто чего-то жалко,— как будто бы уже привыкла она к своему безмолвному, некрасивому, неловкому спутнику. Но он поступил совсем иначе. Котелок он точно приподнял, но только для того, чтобы сказать:

— Позвольте, Мария Константиновна, иметь честь вам представиться: Николай Степанович Склоняев.

Машенька пожала плечами и сказала:

— Напрасно вы представляетесь. Почему вы думаете, что я хочу с вами познакомиться? Ведь я же вам сказала, что не ищу новых знакомых!

Молодой человек робко заглянул ей в глаза и сказал:

— Мария Константиновна, не отгоняйте меня от себя. Я от вас пока ничего не прошу, но так как я вас полюбил чрезвычайно, до такой степени, что не могу себе представить, как я вперед мог бы жить без вас, то позвольте мне только надеяться, что и вы, узнав, сколь сильно я вас люблю, также меня полюбите.

— Какая глупость!— сказала Машенька.— Совершенно незнакомый человек на улице подошел, и вдруг такой разговор! И что это я делаю! Зачем это я вас слушаю! Оставьте меня, пожалуйста!

V

Машенька пошла поскорее, но ее спутник не отставал. Он говорил ей слова, которые досадовали и смешили ее. Все так же робко и осторожно заглядывая в ее глаза, он говорил:

— Мария Константиновна, вы то извольте взять во внимание, что это очень часто так бывает, что люди были незнакомыми между собою, а потом вдруг взяли да и познакомились.

— Да не на улице же знакомятся!— сказала Машенька и засмеялась громко.

Смеяться ей, конечно, не следовало бы, и она сейчас же спохватилась и закусилась крепкими белянькими зубками румяную на морозе, красивую, пухленькую нижнюю губку. Сообразила, что ее смех только поощряет этого навязчивого человека.

А он говорил умоляющим голосом:

— Помилуйте, Мария Константиновна, да отчего же не на улице! Не все ли равно! Если любовь громко говорит в сердце чувствительного человека, то поверьте, Мария Константиновна, что все внешние условности и светские приличия перестают для этого человека существовать, и он не может думать ни о чем другом, как только о предмете своей пламенной страсти.

Говоря это, он прижал обе свои руки к сердцу и потом размахнул левой рукой в воздухе точь-в-точь, как делал это оперный певец, рассказывающий о происхождении Лоэнгринна.

Машенька никак не могла настроить себя на серьезный лад, и ей даже стало немножко досадно, что во всем этом приключении для нее нет ничего пугающего. Только забавно. И какая-то жалость к нему, такому прилипчивому и такому нескладному. Она улыбалась, слушала его слова и думала:

«Туда же, о любви говорит, рыженький Лоэнгрин!»

А тот продолжал:

— А так как намерения мои самые благородные и возвышенные, то я и сам не хотел бы уличных встреч и свиданий где-нибудь в предосудительном для молодой девицы месте, как, например, в отдельном номере в ресторане. А потому счел бы себя чрезвычайно польщенным, ежели бы вы, Мария Константиновна, оказали мне великую честь представить меня вашей почтенной маменьке.

Машенька воскликнула:

— Чего захотели! С какой это стати я буду знакомить вас с мамой? Ведь она бы меня прежде всего спросила, где я сама с вами познакомилась! Отойдите от меня, пожалуйста, а то я, наконец, серьезно рассержусь.

А сама смеялась. И он говорил:

— Мария Константиновна, сердиться вам на меня не за что, потому что я ничего обидного для вас не сделаю, и если вы, по прошествии некоторого времени, не почувствуете ко мне сердечной склонности, то я не осмелюсь долее омрачать ваше спокойствие и, удалясь в тень моего скромного существования, буду только издали взирать на ваше счастье с другим, более меня достойным вашей любви.

Когда он так говорил, его маленький нос покраснел, и покраснели маленькие, суетливо шмыгающие глазенки, и он еще более согнулся, казался совсем маленьким, и похоже было на то, что он сейчас заплачет.

Машенька, стараясь оправдать сама себя в своих мыслях, думала:

«Ну, как не пожалеть такого! Как ты тут его прогонишь! Ведь не кричать же на него, не городского же звать!»

И ей было приятно, что в нее влюбился кто-то. Ведь все те, кто ухаживал за нею раньше, или делали это несерьезно, или были противные, грубые, нахальные. А этот идет смиренненько, говорит с забавным красноречием, почти так же, как говорят в романах влюбленные виконты и маркизы, а сам не отстает от нее.

Стараясь придать себе суровый вид, Машенька спросила его резко:

— Да кто вы такой?

— Я — влюбленный в вас человек, — сказал Лоэнгрин.

— Это уж я слышала, — сурово говорила Машенька, — я хочу знать, кто вы такой, чем вы занимаетесь.

Вдруг Машенька подумала, что, говоря это, она подает своему спутнику надежду на возможность знакомства. Ей стало досадно на себя. А ее спутник уже отвечал ей:

— Мария Константиновна, помилуйте, зачем же вам это надобно знать!

— Да, совершенно верно, мне этого совсем не надобно знать, — сказала Машенька, — и вы от меня отойдите.

Но так как Машеньку раздосадовал ответ ее спутника и эта новая досада прибавилась к прежней досаде на себя, то Машеньке вдруг захотелось доказать ему, что она имела повод его спрашивать, — и, не преодолев этого неблагоприятного желания, она продолжала:

— А вот вы говорите, что хотите представиться моей маме, — да как же бы я вас стала представлять? Сказать бы маме: вот господин, влюбленный в меня, — так, что ли?

— Так точно, — сказал он.

— Какой вздор! — сказала Машенька. — Как же это можно!

— Отчего же нельзя, если это — правда! — возразил Лоэнгрин.

VI

В это время пришлось переходить через улицу. Лоэнгрин взял Машеньку под руку. Машенька взглянула на него с удивлением, но руки своей от него не отняла. Осторожно поглядывая по сторонам и пережидая экипажи, он молча перевел ее через мостовую, покрытую тонким слоем грязного, коричневого снега, изрезанного полозьями и колесами. А на тротуаре выпустил ее руку и пошел отдельно. Она сказала:

— Нет, так нельзя. Так не делается, да и не надо мне знакомить вас с мамой.

Он говорил:

— Мария Константиновна, поверьте, что я очень хорошо понимаю, что вы желали бы знать мое звание и социальное положение. Если же я всего этого вам теперь не открываю, то на это есть весьма серьезные причины. На мне лежит зарок, наложенный на меня людскими предубеждениями, и открыться вам я никак не могу, во избежание неприятных последствий.

— Какие глупости! — опять повторила Машенька.

— Нет, Мария Константиновна, — возразил он, — вы так не говорите. Что причины могут быть очень серьезные для того, чтобы не открыть до поры до времени своего социального положения, на это доказательством может вам послужить та самая опера, на представлении которой я имел удовольствие увидеть вас в первый раз. Вы видели, как неблагоприятно поступила прекрасная, но слишком любопытная госпожа Эльза, добываясь от своего таинственного супруга, чтобы он открыл ей свое имя, звание и адрес, и как она была за это жестоко наказана. Потом уж она раскаивалась, но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут.

— То-то мы с вами,— сказала Машенька,— очень похожи на Лоэнгрин и на Эльзу!

Насмешливый тон Машенькиных слов не смутил ее спутника. Он говорил:

— Вы, Мария Константиновна, несравненно прекраснее и лучше госпожи Эльзы, и потому, если я не дерзаю равнять себя с Лоэнгрином, то все-таки, взятые вместе, мы это сравнение выдержать можем. Правда, рыцари в латах в наше время повывелись, но рыцарские чувства остались, любовь в сердцах чувствующих людей горит не менее ярко, чем прежде, и окружающая нас жизнь только так кажется, что она бесцветная и скучная, а на самом деле она содержит в себе не меньше тайн, чем во времена давно прошедшие, когда рыцарь Лоэнгрин подъезжал к принцессе Эльзе на среброкрылом лебеде.

— Ах, Лоэнгрин!— сказала Машенька, улыбаясь не то насмешливо, не то чувствительно.

Ее спутник смотрел на нее и ждал, что она скажет. Но Машенька молчала. Молча дошли они до ее дома. А у ворот Машенька остановилась, посмотрела на своего Лоэнгрин и сказала:

— Что же мне с вами делать, господин Лоэнгрин? Уж вы идите домой или по вашим делам таинственным, а к нам сейчас неудобно.

Лоэнгрин смотрел на Машеньку тревожно и радостно и с такою надеждою в глазах, что Машенька не могла не сказать:

— Ну, так и быть, приходите сегодня вечером в восемь часов. Я предупрежу маму. Хоть и знаю, что мне достанется от мамы, но, может быть, она согласится вас пустить.

VII

Пришлось Машеньке предупредить мать и рассказать ей всю эту историю. Мать поворчала немного:

— Да как же это, Машенька! Да разве можно с улицы! Да кто его знает, что у него на душе! Может быть, жулик какой-нибудь.

Но потом решила:

— Ну да посмотрю, что за гусь.

Лоэнгрин пришел в назначенное время, принес коробку конфет, посидел часа полтора, пил чай, был почтителен с Машенькиной матерью, смешил гимназиста Сережу, забавлял Машеньку своими витиеватыми речами и ушел раньше, чем мог надоесть.

Мать спрашивала потом:

— Да кто же он такой?

Машенька говорила:

— Мамочка, да ведь я же вам все подробно рассказала. А больше ничего совсем и не знаю. Лоэнгрин, только и знаю. Зовут Николай Степанович, фамилия Склоняев, а чем занимается,— да просто Лоэнгрин.

— Пойдешь завтра в свою школу,— говорила мать,— посмотри в «Весь Петербург», какой-такой Склоняев. Так, по разговору, по манерам, как будто бы ничего себе, человек приличный. А ведь кто же его знает, в душу не залезешь. Надо все-таки узнать.

На другой день в своей школе Машенька посмотрела в «Весь Петербург», но фамилии Склоняева не нашла. И стала даже думать, что и нет такой фамилии на свете, что Лоэнгрин сам себе ее придумал.

А он повадился ходить. То букет цветов принесет, то коробку конфет. Зато на улицах уже не старался встретиться. Разве только случайно попадется.

Когда Лоэнгрин пришел второй раз, Машенька спросила:

— Отчего же вашей фамилии нет во «Всем Петербурге»?

Он не смутился ничуть,— и вообще Машеньку удивляло в нем то, что, несмотря на свой робкий вид, шмыгающие глаза и крадущуюся походку, этот странный человек всегда чувствовал себя очень спокойно и смущался редко. Он сказал:

— Так как я еще только недавно приехал в здешнюю столицу, то моя фамилия и не попала в «Весь Петербург». Я так полагаю, что в будущем году запишут и напечатают.

Говоря это, он усмехался, и Машенька думала, что он говорит неправду.

Машенька спросила:

— А где же вы живете? И чем вы занимаетесь? Служите где-нибудь?

Лоэнгрин отвечал:

— Извините, Мария Константиновна, никак не могу сказать вам ни моего адреса, ни моей профессии.

— Да почему же?— в недоумении спрашивала Машенька.

Он отвечал:

— Как я уже вам имел честь объяснить, Мария Константиновна, имею важные причины держать все это в строгом секрете.

Машенька призадумалась и сказала:

— Послушайте, да ведь это же очень странно. Сначала я думала, что вы просто шутите. А если вы серьезно, так это, право, странно как-то уж очень.

— Нисколько даже не шучу,— говорил он,— а между прочим, и то имею соображение, что, если вы меня полюбите, так меня самого, невзирая на то, кто бы я ни был и чем бы ни занимался.

— А если не полюблю?— с улыбкою спросила Машенька.

Он сказал:

— Тогда я скроюсь из поля вашего зрения, подобно Лоэнгрину, когда он уплывал в той ладье, которую увлекал вдоль по многоводному Рейну среброкрылый лебедь.

— Ах вы, Лоэнгрин!— смеясь, сказала Машенька.

VIII

Смеялась Машенька. Привыкла называть его Лоэнгрином. Так и все его стали звать.

Смеялась Машенька, а иногда задумывалась и мечтала. И все теснее в ее мечтах сливался оперно красивый образ рыцаря Лоэнгрин в блистающих доспехах, сладко поющего, делающего театрально красивые жесты, с образом этого невзрачного молодого человека, носящего котелок вместо шлема и крахмальную сорочку вместо лат, говорящего витиевато, сиповатым, но приятным ярославским говорком, и делающего такие забавно-торжественные жесты.

«Он меня любит, бедненький!»— думала Машенька, и все приятнее становилось ей думать об этом.

Очень поверив в то, что ты любима, не все ли равно, что полюбить самой? Разве любовь не заражает? Сладкая, вкрадчивая, волшебница, любовь на все, на что захочет, набрасывающая светло-блистающие покровы очарований!

Так, мало-помалу привыкая к приятной мысли о его влюбленности, привыкая понемногу к этому смешному сначала слиянию двух Лоэнгринов, одного из оперы мудрого очарователя Вагнера и другого с будничной Гороховой улицы, Машенька почувствовала наконец, что любит своего Лоэнгрин. Эта забавная тайна, которою он облакал свою действительную жизнь, все менее смущала ее.

Но когда Лоэнгрин догадался, что Машенька его полюбила, сказал ей:

— Мария Константиновна, вы можете сделать меня самым счастливым из людей,— согласитесь быть моею женою.

То вот теперь, как ни готова была Машенька к тому, чтобы услышать эти слова, ее охватила жестокая тревога. Подозрения, ужасные, темные, уже уснувшие было в ней, опять овладели ее мыслями. Она смотрела на Лоэнгрин со страхом и думала:

«Не потому ли он скрывает свои занятия, что они постыдны и презренны? Может быть, он — сыщик или палач?»

Как раз незадолго перед этим Машенька прочитала в газете рассказ об одном молодом рабочем, нанявшемся в палачи. Такой же был тщедушный и невзрачный человек. И показалось даже Машеньке, что наружность ее Лоэнгрин соответствует описанию, прочитанному ею в газете.

— Скажите мне сначала,— робко молвила Машенька,— кто вы. Мне страшно.

Она чувствовала, что щеки ее побледнели и что ноги ее дрожат. Она села в глубокое мягкое кресло в углу гостиной, в то самое, где любила сидеть Машенькина мать; это кресло было в семье с незапамятных времен, и с ним было связано столько приятных и жутко-волнующих воспоминаний. Опустившись в глубину этого большого кресла, где пахло старым штофом и рогожкой, Машенька казалась маленькой и жалкой; руки ее, сложенные на коленях, бледные, вздрагивали, как от холода.

Лоэнгрин покраснел и смутился так, как еще никогда раньше. Машенька не видела его смущенным. Он стоял перед ней спиной к окнам, но и в полусвете видела Машенька, как по лицу его забегали странные тени. Часто моргая глазами, как-то странно двигая покрасневшими маленькими ушами, он делал руками странные жесты, мало соответствовавшие смыслу его слов, и говорил:

— Мария Константиновна, если госпожа Эльза была неблагоприятна и любопытна и если рыцарь Лоэнгрин не мог сопротивляться ее настойчивости, то зачем же мы с вами повторим эту роковую ошибку? Вы изволите говорить, Мария Константиновна, что вам страшно. Но что же из того? Я чувствую к вам любовь необыкновенную, которая в жизни почти никогда не встречается и описывается только в романах, да и то не нынешних, а прежних сочинителей. Любя вас, дорогая Машенька, столь необыкновенной любовью, столь пламенно, что и жить без вас не смогу, так что если вы меня отвергнете, то я принужден буду немедленно лишиться себя жизни, я хочу, дорогая Машенька, чтобы и ваша любовь преодолела страх,

который вы испытываете, и все то, чего вы еще не знаете. Любовь истинная, пламенная должна быть сильнее даже и самой смерти. Итак, дорогая Машенька, победите ваш страх и скажите мне, любите ли вы меня и будете ли вы меня любить, что бы вы обо мне ни узнали.

Машенька заплакала. Что же ей еще оставалось делать? Слезы так хорошо помогают в разных трудных обстоятельствах жизни. Она пошарила вокруг себя, нет ли платочка; платочка, конечно, не нашла и принялась вытирать слезы ладонью правой руки,— так, сразу с обеих щек, беспощадно тиская при этом свой слегка вздернутый нос. Плакала и говорила:

— Зачем, зачем вы не хотите сказать, кто вы такой? Зачем вы меня так мучаете? Может быть, вы делаете что-нибудь нехорошее.

Лоэнгрин пожал плечами и сказал:

— Это как кому может показаться, как на чей взгляд. Кому-нибудь мое занятие, может быть, и покажется низким, и кто-нибудь за это, может быть, погнушается мною. Но я делаю, что умею, а какой я человек кроме моего дела, это вы сами изволите видеть. Если вы меня полюбили, то вы должны мне довериться, и если бы даже оказалось, что я — вурдалак нечистый и кровь вашу выпить хочу, то и тогда вы в мою могилку за мною последуете, потому что, если я вижу в вас прекраснейшую из здешних девиц, очаровательную госпожу Эльзу, то и вы, полюбив меня, должны видеть во мне благородного рыцаря Лоэнгрин, отец которого, Парсиваль, хранит чашу святого Грааля. А что мы с вами обитаем в прозаическом городе Петербурге, на самых обыкновенных улицах, а не в рыцарских замках, и занимаемся обыкновенными делами, а не рыцарскими подвигами, так уж это такую нам судьба дала долю,— а пламенности наших чувств все это изменить не может.

Машенька плакала и смеялась. Замысловатые речи Лоэнгрин нежно и сладостно убаюкивали ее. И она думала:

«Уж я теперь — не Машенька, я — принцесса Эльза. Так я себя чувствую,— значит, так это и есть на самом деле, а не так, как это кажется другим. А он, мой Лоэнгрин? Неужели он и в самом деле ходит по улицам, подстерегает, шпионит, или занимается провокацией, или надевает веревочные петли на чьи-то шеи? Как страшно! Но пусть, пусть! Я его все-таки люблю, для меня он — Лоэнгрин, и если жить с ним мне будет страшно и тяжело, то умереть с возлюбленным Лоэнгрином сладостно будет мне».

Она встала, обняла его нежно и, плача горько, сказала:

— Лоэнгрин, мой Лоэнгрин, кто бы ты ни был, я люблю тебя! Куда бы ты ни повел меня, я пойду за тобою! Что бы ты ни делал, я помогу тебе,— я помогу тебе в жизни и помогу тебе в смерти. Я люблю тебя так, как ты хочешь, милый, смешной мой Лоэнгрин,— я люблю тебя так, как любили девушки в романах прежних сочинителей.

IX

Скоро ушел счастливый, гордый Машенькиной любовью Лоэнгрин. Плакала и смеялась Машенька. А мать недоумевала:

— Да как же, Машенька, за кого же ты замуж выходить собираешься? Как же ты слово-то ему дала, ничего толком не узнавши? А вдруг он окажется беглый каторжник или еще что похуже?

Машенька покраснела и повторяла упрямо:

— Пусть каторжник, пусть шпион, пусть палач,— и я такая же буду, потому что я его люблю!

Сережа говорил ей шепотом:

— Если он — атаман разбойников, то ты попроси, чтобы он и меня записал в свою шайку. Я могу лазать в форточки.

Машенька смеялась.

А Лоэнгрин, придя домой, решил, что дольше скрываться невозможно и не стоит. Положил в конверт свою визитную карточку и послал ее по почте Машеньке.

На другой день, когда Машенька вернулась из своей школы, Сережа с таинственным видом сказал ей:

— Там тебе письмо есть, должно быть, от Лоэнгрин. Должно быть, он тебе свидание назначает.

Машенька поспешила к себе, разорвала конверт,— там лежал только кусок картона, и на нем было что-то напечатано и что-то приписано фиолетовыми чернилами. Машенькины руки дрожали, и в глазах ее туманилось, и она с трудом прочла простые слова:

«Николай Степанович Балкашин.

Переплетных дел мастер.

Матвеевская, 4.»

А приписано было следующее:

«Скрывал свое настоящее звание от вас, дорогая Машенька, опасаясь, что вы погнушаетесь ремесленником, теперь же я ничего не боюсь, совершенно уверенный в неизменности вашей любви ко мне».

И Машенька, и Машенькина мать были рады, что нет ничего страшного. Машенькина мать поворчала было немного, зачем он ремесленник, но скоро утешилась, когда Машенька сказала ей, что они будут делать художественные переплеты и широко разовьют это дело. А Сережа был разочарован,— он так мечтал о ночных похождениях, и вот, не придется ему лазать в чужие форточки.

Может быть, Машеньке было немножко досадно, что прекратилось страшное и жуткое, что все объяснилось так просто и обыкновенно, но все-таки Лоэнгрин всегда останется Лоэнгрином и мечтательный образ не поблекнет,— потому что любовь сильнее не только смерти, но и страшной в своей обыкновенности жизни.

2. Творческое задание

Напишите эссе о вашем открытии настоящей поэзии / прозы / отдельного текста какого-либо автора: какие произведения и при каких обстоятельствах впервые произвели сильное впечатление, какие смыслы вам в них открылись, как продолжилось ваше знакомство с творчеством автора, что дал вам опыт общения с этими текстами (текстом). Старайтесь приводить конкретные примеры, факты, цитаты. Придумайте для своего эссе лаконичное и выразительное заглавие. Примерный объём работы – 450-500 слов.